

Т. С. Злотникова

<https://orcid.org/0000-0003-3481-0127>**Игра по-русски: политика в российских медиа XXI века**

Подготовлено по гранту РФФИ № 14-18-01833-П

В статье поставлена и теоретически обоснована, а также рассмотрена длительно наблюдаемая на материале работы отечественного телевидения проблема: игровой модус медиапространства. Игра определена как универсальный код массовой культуры (Т. С. Злотникова и соавторы), как борьба либо ее имитация (Й. Хейзинга), как цепь транзакций с предсказуемым исходом (Э. Берн). Игра, присутствующая в телевизионном продукте, имеет алгоритм «завлекательности», «развлекательности», провокативности, дидактичности, выражения интересов людей и групп при лукавой демонстрации иронии в их адрес. Речь в аналитическом обзоре идет о состязании в его прямом качестве – борьбе за власть, формальную или неформальную, стремлении к очевидной и общепризнанной победе над соперниками (будь то сфера собственно политическая или медийная). Обсуждается опыт игровой подачи предвыборной информации, сведений о смене чиновников высокого ранга, а также опыт ведения развлекательной программы действующим на тот момент министром (актуализированы материалы с 2004 г. по настоящее время). Дан ретроспективный анализ политической самопрезентации отдельных персон и новостных программ о важнейших политических событиях, которые в силу игрового дискурса не получили должного освещения либо были освещены неполно и нечетко. Представлен аналитический телевизионный опыт имитации диалога журналиста с властью, с заочными упреками и неприкрытыми комплиментами. Особое внимание уделено телевизионной продукции, где политика представлена как мифами о первых лицах государства, так и мифами же о «простых людях». Причем, если простым людям придается вид сказочных героев, то политиков XX в. стремятся сделать понятными и обыденными (сериалы о Сталине, Хрущеве, Фурцевой, Брежнев). Сделан вывод о том, что игра с реалиями и политическими фигурами превращает современное отечественное телевидение в масскультовскую очевидность.

Ключевые слова: игра, политика, российские медиа, массовая культура, новостные программы, аналитика на телевидении, ток-шоу, фильм, сериал, персона.

T. S. Zlotnikova

Game in the Russian Manner: Policy in the Russian Media of the 21st century

In the article is put and theoretically proved and also considered a long time observed problem on material of work of domestic television: game mode of media space. A game is defined as a universal code of popular culture (T. S. Zlotnikova and coauthors) as fight or its imitation (Y. Huizinga), as a chain of transaction with a predictable outcome (E. Burn). The game, which is present at a television product, has an algorithm «enticing», «entertainment», provocativity, didacticism, expression of interests of people and groups at crafty demonstration of irony towards them. The speech in the state-of-the-art review is about a competition in its direct quality – race for power, formal or informal, aspiration to the obvious and conventional victory over rivals (whether it is a sphere of actually political or media). Here is discussed experience of game submission of pre-election information, data on change of officials of a high rank and also experience of conducting an entertainment programme by the minister acting at that time (materials since 2004 till present are updated). The retrospective analysis of the political self-presentation of certain persons and news programmes about the major political events, which owing to the game discourse, were not highlighted enough or were presented incompletely and indistinctly. Here is presented analytical television experience of imitation of the dialogue of the journalist with the power, with behind one's back reproaches and barefaced compliments. Special attention is paid to television production where the policy is presented both by myths about the top officials of the state, and myths about «ordinary people». And, if ordinary people are given a type of fantastic heroes, then politicians of the XX century are tried to be made clear and ordinary (series about Stalin, Khrushchev, Furtseva, Brezhnev). The conclusion is drawn that a game with realities and political figures turns modern domestic television into popular culture evidence.

Keywords: a game, policy, the Russian media, popular culture, news programmes, analytics on television, a talk show, a movie, series, a person.

Медиапространство имеет игровой модус, поскольку фиксирует жизнь в соответствии со специфически поставленными социально-

политическими задачами, конструирует подобие жизни в соответствии с эстетическими интенциями.

Игра, которую мы идентифицировали как универсальный код массовой культуры [2], интерпретируется в традициях Й. Хейзинги («Игра есть борьба за что-нибудь или же представление чего-нибудь» [3, с. 24]), Э. Берна («Игрой мы называем серию следующих друг за другом скрытых дополнительных трансакций с четко определенным предсказуемым исходом» [1, с. 37]), с учетом архетипических проявлений и психоаналитического дискурса личности (К.-Г. Юнг, З. Фрейд).

Игра, являющаяся, с нашей точки зрения, не просто распространенным, но излюбленным приемом создания телепродукта, – *состязание, имитация жизни*.

В *новостных* (эволюция приема stand up) и *аналитических* программах (имитация независимости и эрудиции), в *ток-шоу* (трансформации коммуникативных практик), в *фильмах* (интерпретация, экстраполяция, рецепция как способы создания эстетической и политической реальности) имеет место алгоритм «завлекательности», «развлекательности», провокативности, дидактичности, выражения интересов людей и групп при лукавой демонстрации иронии в их адрес.

Наиболее распространенной парадигмой присутствия игры, на основе наблюдений на отечественном телепроцессе (начиная с сезона 2002–2003 гг. и по настоящее время) мы считаем игру **(I) состязанием**, центром которого «телевизионная картинка» выбирает *события/акции*, так и *персоны/персонажи*. Речь идет о состязании в его прямом качестве – борьбе за власть, формальную или неформальную, стремлении к очевидной и общепризнанной победе над соперниками (будь то сфера собственно политическая или медийная).

Среди *событий или акций* в *марте 2004 г.* в ожидании президентских выборов было отмечено следующее движение ТВ. По степени решительности и угрожающему звучанию закадрового голоса отличался, пожалуй, только сам призыв явиться на выборы. Зрительный ряд с массовками ликующего в процессе труда народа, самосвалами и съемками земных просторов с высоты вертолетного движения напоминал даже не старую кинохронику, а титульные страницы букварей, которые, в отличие от хроники, не так резко меняются с годами и десятилетиями. Но полагаем, что изготовители предвыборной телерекламы допустили явную бестактность, приравняв политическую акцию к любому иному событию или тем более товару. Да и не считать же художественным открытием съемки крупным планом телефонной трубки, повествующей о народных проблемах и

чаяниях «на ушко» претендентке на высокий пост, – да еще с воркующим голосом ответа в финале ролика...

В том же 2004 г. «порадовал» Первый канал, предложив кандидатам в президенты России в 8 часов утра тему теледебатов: «Как вернуть России статус сверхдержавы?» Уже только обозначив такой вопрос, содержащий в себе извечные «кто виноват?», «что делать?», «сколько стоит?» и «стоит ли вообще?», – надо было отключить телекамеры. Или – телеприемники. И услышали мы от кандидата Малышкина, что у нас ракеты не взлетают, а от кандидата Хакамады – что человек с российским паспортом должен свободно ездить по всему миру. Желание обустроить Россию, не отходя от телекамеры, было у всех участников дебатов одинаково сильным и одинаково для России бесполезным в силу его запредельной всеохватности.

В *конце апреля 2012 г.* телеканал «Дождь» праздновал день своего рождения, названный «днем дождения». Сотрудники, работающие на юном телеканале, не просто находятся в центре или в гуще событий, они, кажется, сами себя, причем только себя, и чувствуют событием. Одним, большим и замечательным. Особенно замечательным потому, что у них все происходит явно в первый раз, как на детском празднике в кафе фаст-фуда: на ярко-розовом фоне, либо с такими же, цвета платиц куклы Барби, поверхностями столов, за которыми ведут многозначительные дискуссии о взаимоотношениях церкви и государства, с такими же фонами заставок и логотипов. И вот уже они вполне серьезно делают перестановки в российском правительстве, отлепляя и прилепляя фотографии нынешних и возможных будущих министров; совсем как участники познавательной игры в детском садике прилепляют изображения птичек или зверюшек в зоологическом лото. О последнем опыте, показанном в вечернем эфире «Дня дождения», в программе с не слишком оригинальным названием «Здесь и сейчас», следует рассказать подробнее. Молодежь играет в своего рода полит-рулетку, показывает полит-фокусы, предлагая своим же партнерам-ребятам вытягивать из шапки «бумажки с губернаторами». Формат – необязательный, то чуть подольше, то чуть покороче. Ссылки – на неоглашаемые источники. Сленг вместо терминов, намеки вместо фактов.

Но, видимо, «ребята» усвоили материал, полученный на модных ныне тренингах: неважно, правда или ложь, проверенные сведения или случайный вымысел будут произнесены; важно то, насколько это будет сделано уверенно и бойко, а

главное – легко («легше!», «веселее!», «проще!», «не задумывайтесь сами и не давайте задумываться публике!»). Из шапки легко и бойко вытащили два листка из пяти заготовленных, между прочим, глянцевого, формата не менее А3. На сложенных в несколько раз и потому успешных измятых листках – фотографии российских губернаторов, которыми, по сведениям, доступным «Дождю», в ближайшее время предстоит уйти с их постов (самарского, ярославского). То, что в профессиональной среде называется «разрешенной смелостью», было продемонстрировано в полной мере, поскольку ребята услышали накануне днем и актуализировали в этот вечер президентскую критику.

В связи с презентацией *людей или персонажей*, что, разумеется, не одно и то же, с точки зрения медийного дискурса в 2013 г. стала особенно заметна специфическая персональная – политическая – экспансия телеканала РБК. Не только отец ведущей канала, Ж. Немцовой, Б. Немцов за рулем недешевого джипа льет елей на голову владельца канала, М. Прохорова; но и сам владелец этого канала, Прохоров, появляется в числе новогодних поздравителей жителей России перед телекамерой. Титр на фоне других людей называет их место работы или вид деятельности, а титр на фоне владельца канала состоит из трех скромных слов: «Гражданин Российской Федерации». Такова своеобразно структурированная «система ценностей», которая закрепились в телеэфире, причем в его сегменте, воспринимаемом публикой как наиболее продвинутый в плане социальной свободы и интеллектуальной наполненности. В связи с чем – о главном разочаровании, возникшем при возвращении в наш новогодний эфир канала РБК: программу «Система ценностей» стала вести сестра владельца канала, редактор журнала «Новое литературное обозрение» И. Прохорова.

Задолго до названного взрыва политической свободы на одном, отдельно взятом, как ему представлялось, телеканале, не имевшем и по сей день не имеющем широкой аудитории, сложилась бинарная оппозиция политически окрашенной или детерминированной «свободы для» и «свободы от» на других, в том числе федеральных телеканалах (имеем в виду *тенденции 2006 г.*).

Так называемые малые, хотя уже не только кабельные каналы в середине нулевых годов нового века апробировали разные форматы и демонстрировали подчас неожиданные в политическом отношении интенции. К числу таковых отнесем, казалось бы, совершенно нейтральную, нежно-

гедонистическую программу, которую на протяжении ряда лет вел, в том числе работая в должности министра культуры России, доктор искусствоведения М. Швыдкой. С нашей точки зрения, имела место косвенная «психотерапия»: в урочный день, в урочный час выходит на невзрачном (впрочем, весьма популярном у молодежи) СТС музыкальная «Жизнь прекрасна». Что не нравится в Швыдком? Лысина? Национальность? Свободное владение русской речью? Или столь же свободное перемещение с канала на канал – тут и «Культурная революция» на «Культуре», и «Театр+ТВ» на «России», и вот эта самая «Жизнь прекрасна»? На нем читаются следы интеллекта и индивидуальности, а также появляющейся с возрастом и опытом независимости. Швыдкому не нужен телесуфлер и наушничек, свисающий на шею, чтобы подсказывать «экспромты», острить, рождать ассоциации. И когда он в очередном финале говорит: «Ребята, я вас прошу, спойте...», – это его личная просьба, которую невозможно отклонить, это ему лично доставляет удовольствие объединять людей. Среди калек и злодеев, выстрелов и скандалов нашего ТВ раздаются человеческие голоса, вспоминаются трогательные и лично кому-то важные истории. И в те два часа, что идет эта не слишком дорогостоящая по способу изготовления программа, можно согласиться с тем, что жизнь – для кого-то уже, для кого-то еще – прекрасна.

В ситуации медийной активности периода предвыборной компании 2018 г. представляется показательной ретроспекция – внимание к медиаколлизиям 2012 г. Тогда возникла этакая буря в стакане воды в связи с отстранением от ведения некоего телешоу ведущей проекта «Дом» и «Дом-2» К. Собчак. Весной 2012 г. подвернулись весенние митинги и демонстрации, которые телеведущая стала использовать как очередные пиар-акции: на лице появились очки, я бы даже сказала, очочки, прямой признак девочки-паиньки-отличницы; экстравагантные декольтированные туалеты «светской львицы» (как ее называют все в том же шоу-бизнесе) сменились блузками блеклых тонов. И вот уже – микрофон у рта на каком-то из московских митингов, потом – полет в Астрахань, где голодал недоизбранный в мэры гражданин. Поскольку все же не актриса (в отличие от подвергшейся ее нападкам Хаматовой), интонации при возгласах о том, что чего-то не позволит и к чему-то призывает, не слишком уверенные, голос звучит тускло, а мимика невыразительна. Раз-

нервничавшаяся при известии об отказе ей в работе на очередном мероприятии в сфере шоу-бизнеса, Собчак еще за пару месяцев до того никак иначе, кроме как участница этих самых шоу, никем из знавших ее карьеру не воспринималась. Напомним: на нашем телевидении кого только не отстраняли от эфира. Отстраняли Евгения Киселева – с НТВ, однако он сейчас, пусть скучно, но ведет авторскую программу в Киеве; отстраняли Светлану Сорокину, Сергея Доренко и Михаила Осокина – впрочем, каждый, будучи профессионалом, работает, по своей же, журналистской профессии. Но вот оказалось, что телевизионная «картинка» нашла свою «героиню»: гражданка Собчак в 2012 г. была огорчена, ибо ее митинговый пиар дал не совсем ожидавшийся результат – не всплеск интереса к ней, а напротив, спад. Сравнив медийную презентацию простой телеведущей в 2012 г. и кандидата в президенты России в 2018 г., следует признать, что механизмы и эстетические компоненты этих двух «политических» презентаций полностью совпали.

Казалось бы, политический дискурс телевидения в значительной степени опирается на существование (2) **новостных** программ, сюжетов, наконец, интенций. Так ли это в действительности? Какова пропорция не столько формально представленных, сколько по сути предъявленных политических новостей на российском ТВ?

В конце *апреля* – *начале мая* 2006 г. пришлось задаться странным вопросом: где, по современным сведениям, с особой силой аукнулись события 1986 г., когда страна СССР готовилась к майским праздникам, и никому ничего не говорили об уже происшедших на Украине событиях – чернобыльской катастрофе? Не поверите – на острове Корсика, о котором воскресным утром, уже после знаменательного 26-го, рассказали по каналу EuroNews. Колокол, ежегодно отмечающий минуты памяти о жертвах ядерной бомбардировки в Японии, обычно звонит в прямом смысле на весь мир. По Чернобылю 1986 г., по его строителям, работникам, ликвидаторам последствий аварии, как и по психологически надломленным (а о физических травмах мы так до сих пор правды и не знаем) жертвам ташкентского землетрясения 1966 г., колокол звонит давно совсем тихо. И вот уже вместо тревожного колокола звонит совсем другой – колокольчик-побрякушка, сопутствующий мнимым праздникам и домашним радостям. Помимо одной такой мнимой радости – юбилея то и дело бесславно исчезавшей с политической арены Думы, – был и еще один «звонкий» повод.

Вечный претендент на президентское кресло (а почему нет? – ведь бывают вечные студенты, и это воспринимается даже как своего рода культурная ценность) и вечный «понарошку» скандалист Жириновский праздновал свое шестидесятилетие.

Казалось бы, *август 2008* г. на ТВ должен был запомниться своего рода политическим слоганом «понуждение к миру» в связи с событиями в Северной Осетии. В действительности же телевидение представило следующие новостные доминанты. Настоящая война на Кавказе – мировая новость и, на тот момент, вовсе не мировая забота. Настоящая смерть Солженицына – тоже мировая новость и, поскольку «так принято», причина для мировой же скорби. Настоящий праздник – мировая спортивная новость, открытие Олимпиады в Пекине. Новостные программы показали, что и у этой войны – женское лицо. Более чем странно, даже если поверить в то, что все мужчины-телеведущие разом оказались в отпусках и в недосягаемом отдалении от рабочих мест, слушать всю эту военную жуть и ужас от женщин. Тем не менее, и Первый канал, что днем, что вечером, и «Россия», и НТВ оказались каналами «женскими».

Отметим существенный для политического дискурса казус. Показываемый по телевидению в 2008 г. Президент Медведев, обосновывая действия российских военных в качестве представителей миротворческого контингента, будучи хорошо образованным юристом, произнес слова о «понуждении Грузии к миру». Недослышав или не придав значения приставке, журналисты, которые считают обучение русскому языку практически не нужным в их профессии, слово переиначили. И передали информацию о «принуждении». Хорошо, что был первоисточник; хорошо, что не были внимательны, а потому придиричивы оппоненты. Но телевизионное слово-воробей уже полетело в публику, начавшую повторять призыв к «принуждению».

Цена слова произнесенного, написанного, продуманного и прочувствованного, а оттого получившего ценность, равную цене жизни, – это естественный мотив, сопровождавший прощание с Солженицыным. Вот уж поистине ситуация, протранслированная (если речь шла об актуальных кадрах прощания) и смоделированная (если делались попытки воспроизвести интервью, другие документальные съемки, инсценировки художественных текстов) телевидением в масштабе, по определению меньшем, чем повод. Цена жизни, трудов, сочинений человека, очередной раз

напомнившего, что в России такая персона – «больше чем поэт», что отношением к нему изменяется отношение ко времени, к долгу, определяется гражданская позиция, – это и было объектом телевизионных показов. Привычный экстаз бывших узников оттенялся – опять же не прокомментированным, но хорошо заметным – минимальным присутствием коллег по художественному «цеху». Удивительно: наверное, иссякло писательское сообщество в нашей стране; кто, получив премии, навсегда поселился в других краях, кто стар и болен, кто вовсе не считает себя должным, хотя – именно ему-то они, свободные, постмодернистски раскованные, словотворчеством обуреваемые – своей этой свободой во многом и обязаны. Но нет, главные эстыеты нашей культуры, жеманная поэтесса Ахмадулина с мужем-сценографом Мессерером да читающий с эстрады Бродского и Пастернака актер Юрский – вот они были у гроба; да Президент, прилетевший из волжского путешествия; да премьер-министр с розами. И все это – под оружейный салют, о котором нам на всякий случай сообщили: воинские почести положены капитану времен Великой Отечественной (а вернули ли ему воинское звание? когда? при каких обстоятельствах? что-то об этом ни в одном комментарии не говорилось). Как это ни банально, но приходится признать: в очередной раз подтвердилось наблюдение Б. Пастернака относительно того, что «талант – единственная новость, которая всегда нова».

Игра как основа **(3) аналитической деятельности** на ТВ – это, с одной стороны, ставшая популярной форма деятельности, с другой стороны, достаточно странная и мало соответствующая серьезности задач, а иногда и персон, занимающихся аналитической работой.

В 2005 г., когда в России впервые состоялось празднование Дня народного единства, уж как только все телеканалы не резвились по поводу странности, непонятности, невнятности этого праздника. А между прочим, праздник как праздник, ничем не хуже иных, также, как и во многих случаях, в меру условный по обозначенной дате. Но осенью 2005 г. никто не вспоминал о промежуточной хронологии ноября: между августом 1825 г., когда Пушкин закончил работу над своей трагедией о царе Борисе, и декабрем, когда друзья и знакомцы того же Пушкина вышли на Сенатскую площадь в Петербурге. Похоже, что и сейчас, когда под сурдинку, с беглыми упоминаниями между дорожными происшествиями и сводками погоды, отметили в самом что ни есть формаль-

ном виде 180-летие восстания декабристов, все эти исторические аналогии телевидением были не восприняты и не востребованы. Ни полусловом не вспомнив о пушкинской, весьма далекой от официальной (политической и исторической) версии-предвидении событий декабря 1825-го, в единственном минисериале на канале «Культура» «Загадки междуцарствия» историк-публицист Я. Гордин и актер А. Толубеев поведали о том, что творилось в Петербурге в течение нескольких дней накануне 14 декабря. Обычный, вполне интеллигентный, как говорили когда-то, «научпоп», без эмоциональных всплесков и загадочных интонаций при провозглашении всем известных мыслей, как это ранее стал блестяще делать в своих исторических (аналитических) программах Э. Радзинский. Но, в отличие от набивших оскомину своим обилием и однообразием высказываний в отношении смутного времени начала XVII в., про смуту века XIX никто, кроме канала-просветителя («Культура»), высказаться не пожелал.

Второстепенной проблемой на второстепенном канале *ТВЦ* (именно таким он выглядел в 2000-е гг.) в том же 2005 г. занялся руководитель этого канала О. Попцов. Сегодня мы практически не видим руководство телеканалов в эфире. Изредка «кажет личико» К. Эрнст, то присутствуя на КВНах, то получая ТЭФИ. Остальные далеки от зрительского народа, и, вероятно, не случайно: среди руководства каналов нет журналистов, нет людей, которые были бы интересны публике, появившись они в кадре со своими суждениями, тем более – с собственной программой.

Попцов же набрался храбрости – и как публицист, попытавшийся держать зрителей четыре вечера подряд у экранов, и как руководитель канала, рискнувший выступить с публичной критикой президента страны. «Выше Высокоодиночество» назвал он свою программу, забыв, наверное, как министр в комедии Е. Шварца «Голый король» извинялся: «Вы, ваше величество, – гений». Попцов *как бы* безрассудно, буквально каждые две-три минуты, повторял имя-отчество президента, с которым понарошку вел диалог. Вот именно – *понарошку*. Ибо модальность этого диалога изначально не то чтобы избавляла публициста от ответственности за смело бросаемые президенту упреки, но наивно и неумело выдавала безобидность этих упреков, которые на самом деле имели совершенно другой адрес – чиновников, разворовывающих российское имущество.

Старая-старая песня пелась про то, что «царь» – добрый, и хороший, а «бояре-припешники» у него – злые и плохие. Говорилось это хитроумно – самому главному человеку страны с полной уверенностью в своей безнаказанности. И правильно: кто же будет наказывать трогательно играющего интонациями, взволнованно картавящего человека, который в пустом кабинете молит о справедливом и благодатном для страны правлении? Тот, кого он молит, – не будет наказывать, ибо он-то правит вполне в соответствии с ожиданиями этого самого кабинетного одиночки. Те же, кого он порицает, – тоже не будут наказывать, поскольку он дальновидно обращается через их головы и по их поводу к их начальству, которое (как они прекрасно понимают) и без подсказки знает обо всем, что они творят. То, что изобразил Попцов вкупе с хорошим режиссером-лириком И. Шадханом, снимавшим когда-то умные и тонкие фильмы-зарисовки о подрастающих детях и их взрослеющих родителях, а сейчас превратившимся во вкрадчиво-умильный голос за кадром, – это хорошо известный образчик разрешенной и дозированной критики.

В не слишком плотный, а активно заполняемый ряд аналитических опытов, окрашенных игровой стилистикой (причем не всегда – по воле авторов), выстраиваются телевизионные «картинки», на которых интеллигенты по традиции оказываются одиночками, непонятыми, трогательно-возвышенными. Так, весной 2004 г. директор крупнейшего в нашей стране института искусствознания А. Комеч, человек в обыденной жизни мягкий, тихий, «кабинетный ученый», горячился в передаче «Личный вклад» (НТВ) по поводу исчезновения в Москве старинных домов и кварталов в угоду корыстным интересам хозяев дорогостоящих новых зданий. В традиции русской интеллигенции этот человек надеялся своими доводами и своим душевным волнением изменить экономически кем-то уже просчитанную ситуацию. «Свобода слова» на том же НТВ понадобилась для того, чтобы интеллигент во власти, вице-премьер правительства Жуков и претендующая на интеллигентность спортсменка с крутым характером Хоркина обсуждали вопрос о том, нужна ли через 8 лет Олимпиада России, в то время как «сейчас» в Петербурге не могут вывести полчища крыс. В том же ряду оказались промелькнувшие мимо внимания широкой публики телепрограмма об Инне Ли – человеке из русско-китайской семьи, ученом-филологе, как и юбилей кинорежиссера Г. Панфилова, одного из самых «политизирован-

ных», если иметь в виду проблематику его фильмов, и самых политически «внятных» профессионалов. Не столько аналитика, сколько беглые реверансы превратили передачи об этих людях в игру со статусом и с личным авторитетом.

Вопреки представлениям о господстве (4) *ток-шоу* на отечественном ТВ, политическая проблематика в них хоть и присутствует, но назвать программы последних лет («Время покажет» на Первом канале, «Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым» и «60 минут» на канале «Россия», «Право голоса» и «Красный проект» на ТВцентр, «Место встречи» на НТВ и другие, аналогичные) словом «шоу» невозможно как в силу повторяемости участников, буквально кочующих с канала на канал, так и в силу однообразия приемов ведения, архаичных и опять-таки однообразных, по принципу «вопрос-ответ» или «крик-на-крик». Опираясь на опыт предшествующих лет, отметим, что игровое начало в ток-шоу с политическим «оттенком» подчас было следствием своего рода «дня сурка», когда повторы, проговорки и погрешности рождали игровое пространство вопреки замыслу ведущих или участников. Так, у «барьера», выстроенного Владимиром Соловьевым в 2012 г. (ток-шоу «Поединок» на телеканале «Россия» совершенно буквально и по структуре, и по составу участников повторяет прежнюю программу «К барьеру» на НТВ, воспроизводя принцип симулятивного противостояния людей, скорее близких по идеям, жизненным позициям, даже поведению) сошлись... Продолжая зоологические ассоциации, начатые упомянутым «сурком», скажем: сошлись «жираф» и «моська». В роли последней был так и не научившийся перевоплощаться перед телекамерами, однообразно интонирующий свои обвинения и восторги В. Жириновский. В роли его визави – баскетбольно-высокий М. Прохоров, от которого в студии постарался дистанцироваться ведущий, ибо ростом доставал едва ли до плеча своему гостю. Телевизионная «картинка» была, действительно, хороша: высокий-превысокий, относительно молодой *jeune premier* (который говорил немного и разумно, защищал честь женщин, некогда привезенных им в Куршавель) своим долгим и, как казалось, миролюбивым и нетревожным молчанием побеждал крикливого и ни разу не ответившего на прямые вопросы оппонента, не слишком точно, но пытавшегося играть *noble pere*. Игровое начало имплицитно присутствовало в программе – скорее, политизированной, чем по сути своей политической – в силу того, что телеэфир, еще не

предвыборный, а «доагитационный», показал «картинку», подобную идущим едва не на всех телеканалах кулинарным шоу. «Специи», затуманивающие реальный «вкус» и отбивающие запах «продукта», казались острыми, но насытить не могли; разве что испортить здоровье.

Наконец, следует отметить достаточно большую и перманентно проявляющуюся тенденцию проникновения политической проблематики в (5) **фильмы** – кинотелевизионную продукцию, предлагаемую, в силу естественной, финансово-организационной сложности, только самыми крупными телеканалами. Активизацию тенденции мы отметили начиная с 2004 г.

Иногда эта продукция становится данью календарным точкам, иногда – отражением интеллектуального, художественно-творческого уровня и вкуса руководства каналов. Маятник «политических» телесериалов качается от XVIII в. (век Екатерины II, чуть раньше или чуть позже) к XX (послереволюционные эпизоды, 1930–1950–1960-е гг.), в последнее время качнулся и к древнерусским реалиям. Политика присутствует как мифами о первых лицах государства, так и мифами же о «простых людях». Причем, если простым людям придается вид сказочных героев, то политиков XX в. стремятся сделать понятными и обыденными. Обратим внимание именно на государственных деятелей, в презентации которых, разумеется, наиболее отчетливо предстает политический курс телеигр.

Сталина («Дети Арбата», реж. А. Эшпай, 2004 г.) по хронологии событий в начале 30-х гг. – за 50, в фильме же он – глубокий старик, развалина с седыми волосами и бессильно-сиплым голосом. Представить себе, что этот человек (а не его имя) сможет привести страну к победе в Отечественной войне, не говоря о способности держать власть в своих руках еще почти два десятилетия, не позволяет даже самое буйное воображение. Известный своими гротесковыми ролями Максим Суханов получил четкий «заказ»: показать, что властелин только фактом своего существования, а не реальными действиями влияет на судьбу страны.

Заметной, хотя и не отрефлексированной тенденцией было появление буквально встык друг другом документальных фильмов или мини-сериалов и игровых фильмов об одних и тех же персонах. Так было с многочисленными кинопоказами о Сталине, так же, хотя и в меньшей степени, было с фильмами о Хрущеве. Режиссер В. Пичул (2004 г.), делавший в свое время извест-

ную передачу «Куклы», похоже, и в человеке из исторического прошлого такую же «куклу», пусть ненамеренно или не афишируя свои намерения, решил показать. Из кадров фильма, которые легли в логику явного авторского стремления рассказать что-то приятное, удачными, хотя слишком краткими, представляются кадры говорящего с трибуны или в кругу «простых тружеников» Хрущева. Для этого режиссера и сценариста, родившегося в 1961 г., власть, представленная фигурой свергнутого в 1964 г. Хрущева, так же мифологична, как власть в лице Ленина, Сталина или Берии, о которых он прежде снял фильмы. Равно удаленные в историю, все они не были для него «живой властью», выстроившись в единый ряд кичевых матрешек с Арбата. Режиссер, возможно, пытался придать одной из этих «матрешек» свойства живого человека, обратившись к воспоминаниям его ближайших родственников, невесть почему выбранного для рассказа о покойном генсеке фотографа, да еще сотрудника немецкой разведки.

Намекающий на обыденность образ жизни предстал на ТВ у ткачихи, которую сегодня возвели в ранг Екатерины Третьей («Легенда о Екатерине», реж. С. Попов, 2011 г.). В меру погруженный в посуду, квартиры, мебель, и в меру разжиженный понятными объятиями-изменами, в меру приперченный шепелявостью, лысынами, акцентом партийных вождей, подкладными плечами женских платьев и раритетными автомобилями. Беспомощная (Фурцева в молодости – инфантильная Т. Арнтгольц) и трогательно-жесткая (Фурцева взрослая – И. Розанова) актерская пара получила максимально достойное актерское же обрамление: это, прежде всего, В. Сухоруков-Хрущев, лишенный суетливого хамства, то задумчивый, то едва ли не мучительно сомневающийся. Ностальгия – всегда прибежище бытовых мифов. Ностальгия по прошлой, прошедшей и уже почти уже ушедшей жизни, разлилась по телеэфиру. Ностальгия по невкусной еде, по некрасивой одежде, по непреодолимым запретам и несбывшимся надеждам. Это стало, по сути, подменой политической проблематики, политических аллюзий, которыми было наполнено время «госпожи министерши» от культуры, лишив публику возможности приобщиться к политическим коллизиям почти ушедшей эпохи.

Загадкой остается то, кого видел в качестве аудитории сериала «Брежнев» (2005 г.) режиссер С. Снежкин. Потенциальная аудитория: те ли это люди, для кого «членовоз» и «бровеносец» – полупрепятственные словечки для внутреннего употреб-

ления? для кого чеховский рассказ о любителе всяческих наград «Лев и солнце» – реалия их собственной жизни, в которой только и изобретались награды и премии для поощрения? для кого анекдоты о знаменитом человеке на Красной площади, о бумажке со словами «кто там?», вынутой из кармана пижамы у дверной цепочки, – это щедринская сатира, а быт? Если фильм был сделан для младших, что естественно, но все же современников Брежнева, то тягостное созерцание тягостных передвижений и свистящего дыхания с причмокиванием не стоило безмерных затрат на гримерные работы. А если для нового поколения, то эти, новые, смотрят в полдесятого вечера другие, музыкальные и «раздевальные» программы, а во время утренних повторов сидят в классах и аудиториях.

Телевидение показало фильм-анамнез (в медицинском смысле), не дотянувшийся до диагноза (в политическом). Нравственный смысл: еще один слабый, но симпатичный человек у власти, наш, советский «федор иоаннович»; да еще с «теплинкой» – для чего возникли линии умирающего при виде неземной доброты генсека-жалобщика в начале фильма, молодой рослый секс-символ с Украины, которого и играет другой артист, жуткие по своей банальности эпизоды покупки колбасы в сельском магазине с пустыми прилавками и заводского цеха (привет от «производственных» пьес, которые автор сценария Черных писал при жизни Брежнева).

Производство телепродукции о советских вождях пуцено на поток, сделаны сериалы и с претензией на художественность, и с апелляцией к документам.

Резюме. Игра с реалиями и политическими фигурами превращает современное отечественное телевидение в масскультивовскую очевидность (К. Эрнст о фильме «Троцкий» – «*Это не политическая коллизия, а история поп-звезды*»).

Библиографический список

1. Берн, Э. Игры, в которые играют люди: Психология человеческих взаимоотношений. Люди, которые играют в игры: Психология человеческой судьбы [Текст] / Э. Берн. – СПб. : Лениздат, 1992.
2. Коды массовой культуры: российский дискурс [Текст]: коллективная монография / под науч. ред. Т. С. Злотниковой, Т. И. Ерохиной. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2015. – 240 с., илл.
3. Хейзинга, Й. Homo ludens: В тени завтрашнего дня [Текст] / Й. Хейзинга. – М. : Прогресс, 1992.

Bibliograficheskiy spisok

1. Bern, Je. Iгры, v kotorye igrajut ljudi: Psihologija chelovecheskih vzaimootnoshenij. Ljudi, kotorye igrajut v igry: Psihologija chelovecheskoj sud'by [Tekst] / Je. Bern. – SPb. : Lenizdat, 1992.
2. Kody massovoj kul'tury: rossijskij diskurs [Tekst] : kollektivnaja monografija / pod nauch. red. T. S. Zlotnikovoj, T. I. Erohinov. – Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2015. – 240 s., ill.
3. Hejzinga, J. Homo ludens: V teni zavtrashnego dnja [Tekst] / J. Hejzinga. – M. : Progress, 1992.

Reference List

1. Bern AA. Games which people play: Psychology of human relationship. People who play games: Psychology of human destiny / E. Burn. – SPb. : Lenizdat, 1992.
2. Codes of popular culture: Russian discourse : the collective monograph / under scientific editorship of T. S. Zlotnikova, T. I. Erokhina. – Yaroslavl : RIO YsPU, 2015. – 240 pages, with pictures.
3. Kheyzing Y. Homo ludens: In a shadow of tomorrow / Y. Kheyzing. – M. : Progress, 1992.